

Отъ издателя.

Иллюстрированныя изданія произведеній лучшихъ національныхъ писателей составляютъ достояніе всѣхъ образованныхъ странъ. Сочиненія Шекспира, Мильтона, Байрона, Диккенса, Лессинга, Гёте, Шиллера, Рабле, Мольера, Гюго, Сервантеса давно превосходно иллюстрированы не только въ подлинникѣ, но и въ переводахъ. Цѣлый рядъ блестящихъ художниковъ-иллюстраторовъ завоевалъ себѣ солидное положеніе въ Европѣ, и хорошій иллюстраторъ тамъ цѣнится на ряду съ прославленными мастерами кисти.

У насъ, въ Россіи, были только попытки иллюстрировать отечественныхъ авторовъ. Не говоря уже о повременныхъ изданіяхъ, гдѣ иногда извѣстные художники иллюстрировали писателей, слѣдуетъ упомянуть о попыткахъ отдѣльныхъ художниковъ дать рисунки къ тексту того или другого произведенія. Такъ, Зичи далъ рядъ прекрасныхъ рисунковъ для лермонтовской „Княжны Мери“, Шварцъ — для „Князя Серебрянаго“ графа Ал. Толстого и для „Купца Калашникова“ Лермонтова. Последнее произведеніе иллюстрировалъ и пр. Шарлеманъ. Башиловъ иллюстрировалъ „Горе отъ ума“; Павелъ Соколовъ — „Евгенія Онѣгина“ и „Капитанскую дочку“; Петръ Соколовъ — „Записки охотника“ Тургенева; Іевлевъ — Некрасова; Аванасьевъ — „Конька-горбунка“ и пр.

Что касается попытокъ иллюстрировать Гоголя, то къ произведеніямъ нашего несравненнаго юмориста художники точно боя-

лись приступить. Кромѣ довольно неудачныхъ рисунковъ Агина къ „Мертвымъ Душамъ“, да нѣсколькихъ типовъ къ этой знаменитой поэмѣ, сдѣланныхъ Боклевскимъ и Башиловымъ (акварелью), мы имѣемъ еще нѣсколько рисунковъ Микѣшина („Вій“, „Пропавшая грамота“), Зичи („Тарасъ Бульба“), картины Рѣпина (Поприщинъ), Ковалевского (Встрѣча Чичикова съ губернаторской дочкой) и Крамского („Майская ночь“). Систематически-редактированного изданія не было сдѣлано, и только въ послѣднее время было нами выпущено нѣсколько общедоступныхъ дешевыхъ изданій сочиненій Гоголя съ набросками художниковъ Штейна, Храброва и Табурина.

Нынѣ мы рѣшились предпринять изданіе „Мертвыхъ Душъ“, какъ крупнѣйшаго изъ твореній великаго писателя, — и предпринять его въ широкомъ размѣрѣ, издавъ большой томъ in folio, украшенный 355 рисунками и 10 гелиогравюрами.

Иллюстрировать литературныя произведенія — дѣло нелегкое. Читатель, каждый по-своему, представляетъ себѣ типы и обстановку даннаго произведенія и рѣдко бываетъ удовлетворенъ тѣмъ, что изображаетъ художникъ. Тѣмъ болѣе заслуга послѣдняго, если онъ сумѣетъ правдиво возсоздать передъ читателемъ внѣшнюю картину эпохи, схватить ея отличительныя черты, воскресить ея характеръ.

Болѣе шести десятилѣтій прошло отъ эпохи „Похожденій Чичикова“; каждое новое десятилѣтіе отдаляетъ насъ отъ нея все больше и больше. Пройдетъ полвѣка, и еще труднѣе будетъ для художника угадать то, что было на глазахъ у нашихъ отцовъ. Въ провинціи еще помнятъ „губернію“ 20-хъ и 30-хъ годовъ, еще кое-гдѣ сохранились помѣщики стараго типа, еще дома ихъ напоминаютъ и внѣшностью, и внутреннимъ убранствомъ времена Чичикова. Еще живы чичиковскія брички, приземистыя службы двора Собакевича, портреты прежнихъ владѣльцевъ усадебъ; въ провинціальныхъ городахъ еще улицы сохранили характеръ губернскаго города при Чичиковѣ, — и фонарные столбы такіе же, съ какихъ срывалъ Чичиковъ афиши. Еще на сценѣ живы по традиціи типы „Ревизора“ и „Женитьбы“. Но пройдетъ немного времени, и характеръ эпохи утратится, быть-можетъ, безвозвратно. Явится рядъ новыхъ талантливыхъ художниковъ, но едва ли они, какъ люди иного поколѣнія, сумѣютъ схватить духъ изображаемой полосы русской жизни.

Насколько было возможно, для настоящаго изданія былъ собранъ матеріалъ по нашимъ провинціальнымъ захолустьямъ, — каждая мелочь, каждая деталь, каждый аксессуаръ чичиковской эпохи были тщательно провѣрены, зарисованы и сфотографированы.

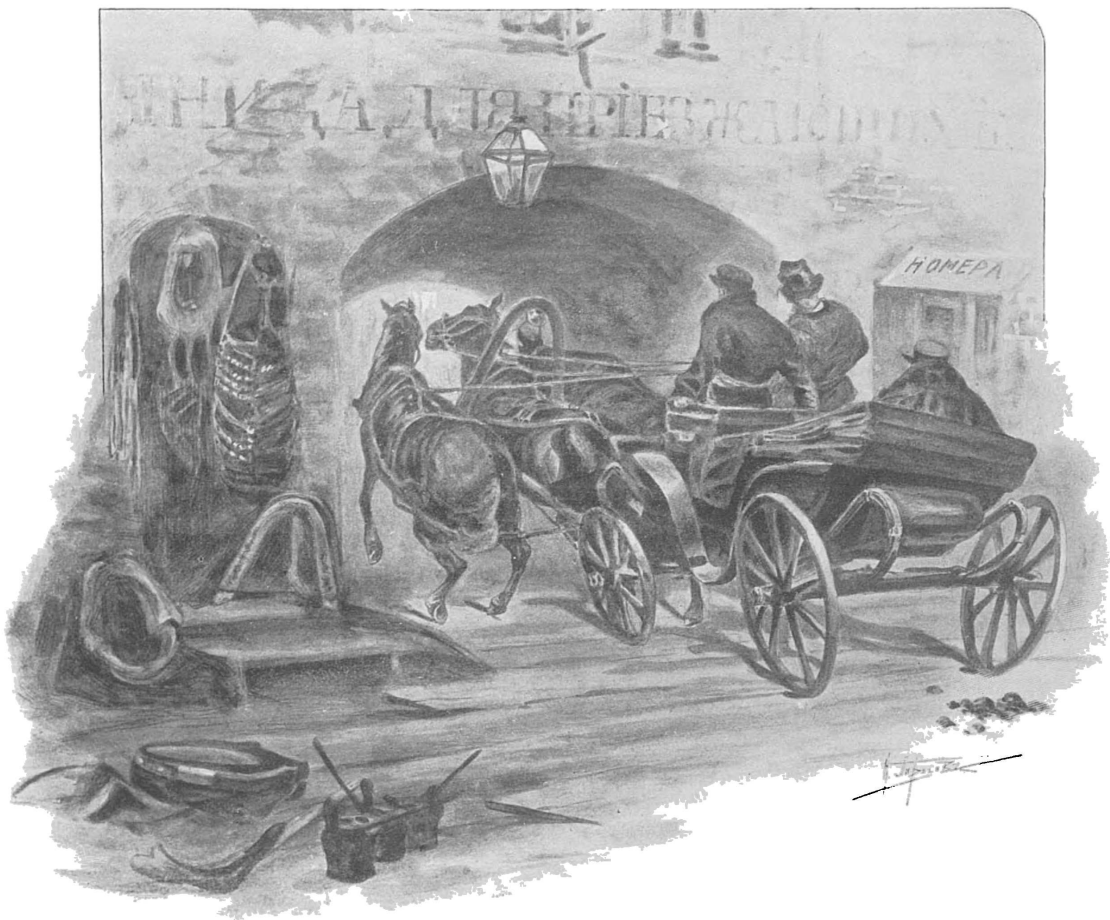
Предоставить выполнение всѣхъ рисунковъ одному художнику оказалось немислимымъ: работа затянулась бы на десятки лѣтъ. Кромѣ того, при значительномъ количествѣ иллюстрацій, появилось бы нѣкоторое однообразіе въ манерѣ исполненія. Поэтому работа была раздѣлена между нѣсколькими художниками. Пейзажъ былъ предоставленъ гг. Бажину и Хохрякову, а жанръ гг. Андрееву, Аванасьеву, Быстренину, Далькевичу, Козачинскому, Маньковскому, Пирогову, г-жѣ Самокишъ-Судковской и г. Соломко. Общее редактированіе этими работами взяли на себя гг. Гнѣдичъ и Далькевичъ.

Съ искренней любовью отнеслись художники къ своей задачѣ. Каждый изъ нихъ выбралъ эпизоды, наиболѣе подходящіе къ сущности его дарованія, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ трудился надъ иллюстраціями. Рисунки дѣлались и передѣлывались по многу разъ, пока не удовлетворяли самихъ художниковъ. Что же касается ихъ воспроизведенія, то мы сдѣлали все, что возможно, чтобы достигнуть наибольшаго совершенства. Клише изготовлены за границей; самые значительные рисунки воспроизведены *гелиогравюрой*, способомъ, очень мало еще распространеннымъ у насъ, вслѣдствіе его дороговизны; остальные—автотипією, лучше всего передающею всѣ тонкости оригинала.

А. Ф. Марксъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Въ ворота гостиницы губернскаго города NN въѣхала довольно красивая рессорная небольшая бричка; въ какой ѣздить холостяки: отставные подполковники, штабсъ-капитаны, помѣщики, имѣющіе около сотни душъ крестьянъ,—словомъ, всѣ тѣ, которыхъ называютъ господами средней руки. Въ бричкѣ сидѣлъ господинъ, не красавецъ, но и не дурной наружности, ни слишкомъ толстъ, ни слишкомъ тонокъ; нельзя сказать, чтобы старъ, однакожъ и не такъ, чтобы слишкомъ молодъ. Въѣздъ его не произвелъ въ городѣ совершенно никакого шума и не былъ сопро-

вожденъ ничѣмъ особеннымъ; только два русскіе мужика, стоявшіе у дверей кабака противъ гостиницы, сдѣлали кое-какія замѣчанія, отъносившіяся, впрочемъ, болѣе къ экипажу, чѣмъ къ сидѣвшему въ немъ. „Вишь ты“, сказалъ одинъ другому: „вонъ какое колесо! Чтѣ ты думаешь: доѣдетъ то колесо, если бѣ случилось, въ Москву, или не доѣдетъ?“ — „Доѣдетъ“, отвѣчалъ другой. — „А въ Казань-то, я думаю, не доѣдетъ?“ — „Въ Казань не доѣдетъ“, отвѣчалъ другой. Этимъ разговоръ и кончился. Да еще, когда бричка подъѣхала къ гостиницѣ, встрѣтился молодой человѣкъ въ бѣлыхъ канифасовыхъ панталонахъ, весьма узкихъ и короткихъ, во фракѣ съ покушеньями на моду, изъ-подъ котораго видна была манишка, застегнутая тульской булавкою съ

бронзовымъ пистолетомъ. Молодой человѣкъ оборотился назадъ, посмотрѣлъ экипажъ, придержалъ рукою картузъ, чуть не слетѣвшій отъ вѣтра, и пошелъ своей дорогой.

Когда экипажъ въѣхалъ на дворъ, господинъ былъ встрѣченъ трактирнымъ слугою, или половымъ, какъ ихъ называютъ въ русскихъ трактирахъ, живымъ и вертлявымъ до такой степени, что даже нельзя было разсмотрѣть, какое у него было лицо. Онъ выбѣжалъ проворно съ салфеткой въ рукѣ, весь длинный и въ длинномъ демикотонномъ сюртукѣ, со спинкою чуть не на самомъ затылкѣ, встряхнулъ волосами и повелъ проворно господина вверхъ по всей деревянной галдареѣ показывать ниспосланный ему Богомъ покой. Покой былъ извѣстнаго рода, ибо гостиница была тоже извѣстнаго рода, то-есть именно такая, какъ бываютъ гостиницы въ губернскихъ городахъ, гдѣ за два рубля въ сутки проѣзжающіе получаютъ покойную комнату съ тараканами, выглядывающими, какъ черносливъ, изъ всѣхъ угловъ, и дверью въ сосѣднее помѣщеніе, всегда заставленную комодомъ, гдѣ устраивается сосѣдъ, молчаливый и спокойный человѣкъ, но чрезвычайно любопытный, интересующійся знать о всѣхъ подробностяхъ проѣзжающаго.

Г. Слюшкинъ-Губковскій

Наруж-
ный фа-
садъ гостиницы отвѣ-
чалъ ея внутренно-
сти: она была очень
длинна, въ два этажа;
нижній не былъ вы-
штукатуренъ и оста-
вался въ темно-крас-
ныхъ кирпичикахъ, еще
болѣе потемнѣвшихъ отъ

лихихъ погодныхъ перемѣнъ и грязноватыхъ уже самихъ по себѣ; верхній былъ выкрашенъ вѣчною желтою краскою; внизу были лавочки съ хомутами, веревками и баранками. Въ угольной изъ этихъ лавочекъ или, лучше, въ окнѣ помѣщался сбитенщикъ, съ самоваромъ изъ красной мѣди и лицомъ такъ же краснымъ, какъ самоваръ, такъ что издали можно бы подумать, что на окнѣ стояло два самовара, если бь одинъ самоваръ не былъ съ черною какъ смоль бородою.

Пока приѣзжіи господинъ осматривать свою комнату, внесены были его пожитки:

прежде всего чемоданъ изъ бѣлой кожи, нѣсколько поистасканный, показывавшій, что былъ не въ первый разъ въ дорогѣ. Чемоданъ внесли кучеръ Селифанъ, низенькій человекъ въ тулупчикѣ, и лакей Петрушка, малый лѣтъ тридцати, въ просторномъ подержанномъ сюртукѣ, какъ видно, съ барскаго плеча, малый немного суровый на взглядъ, съ очень крупными губами и носомъ. Вслѣдъ за чемоданомъ внесень былъ небольшой ларчикъ краснаго дерева, съ штучными выкладками изъ корельской березы, сапожныя колодки и завернутая въ синюю бумагу жареная курица. Когда все это было внесено, кучеръ Селифанъ отправился на конюшню возиться около лошадей, а лакей Петрушка сталъ устраиваться въ маленькой передней, очень темной конуркѣ, куда уже успѣлъ притащить свою шинель и вмѣстѣ съ нею какой-то свой собственный запахъ, который былъ сообщень и принесенному вслѣдъ за тѣмъ мѣшку съ разнымъ лакейскимъ туалетомъ. Въ этой конуркѣ онъ приладилъ къ стѣнѣ узенькую трехногую кровать,